

Тематическое и эстетическое своеобразие басен В. И. Майкова

О. А. Метелева

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: olesyaste@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема изучения национальной специфики классицистических жанров. Серьезные изменения претерпевает жанр басни на русской почве в 1760-е годы. В этот период басня обогащается самобытными национальными чертами. Большой вклад в развитие этого жанра внес В. И. Майков.

Цель статьи – попытка систематизации басенного творчества В. И. Майкова с точки зрения оригинальности сюжета, основных тем и образов, жанровых и композиционных особенностей.

Методология исследования построена на базисных принципах и понятиях целостного литературоведческого анализа художественного текста с применением культурно-исторического, интертекстуального, сравнительно-типологического метода.

В исследовании доказывается, что басни В. И. Майкова – как с заимствованным, так и с оригинальным сюжетом – являются самобытными, раскрывающими идеологию эпохи русского классицизма через национальный колорит, отразившийся в системе образов, языковых явлениях, ритмических рисунках и в построении композиции. В статье отмечается близость басен с оригинальными сюжетами русского фольклора: сказками, древнерусскими повестями, поговорками. Рассматривается басня, основой которой является сюжет народной песни. При этом автор статьи отмечает, что даже заимствованный из русского фольклора сюжет у В. И. Майкова приобретает новое звучание. В статье выявляется тематическое разнообразие басен В. И. Майкова. Ведущие темы басен – тема власти, дружбы, творчества, материального благополучия, разумного существования.

Результаты исследования могут использоваться в теоретических работах, обращаясь к анализу басенного творчества поэтов, переходных явлений и жанровых трансформаций в литературе, а также в практике преподавания истории русской литературы.

Ключевые слова: басня, русская поэзия XVIII века, жанровая система классицизма, жанровый синтез, традиции и новаторство в литературе, литература и фольклор.

Басня как жанр зародилась в античности, посредством аллегории несла в себе дидактическую функцию, высмеивала пороки и содержала наставление. Басня – это небольшой по объему жанр дидактической поэзии, с законченным сюжетом, который содержит аллегорическое истолкование житейского или нравственного правила. «От притчи или аполога басня отличается законченностью сюжетного развития, от других форм аллегорического повествования (напр., Аллегорического романа) – единством действия и сжатостью изложения, не допускающей введения детальных характеристик и других элементов неповествовательного характера, тормозящих развитие фабулы» [10, стб. 359].

Е. Д. Желябужский выделяет следующие типологические черты басни: краткое поэтическое произведение, в котором содержится рассказ из обычной жизни людей, животных, которые обладают даром слова, или природы [5, с. III]. Г. В. Москвичева отмечает, что возникновение басни относится к V веку и связано с именем Эзопа, но как жанр она сформировалась значительно позднее, так как о басне нет упоминаний ни у Аристотеля, ни у Буало. В России определение жанру на основе произведений Эзопа, Лафонтена и других баснописцев дал М. В. Ломоносов, он же определил основные типологические черты. Для М. В. Ломоносова басня – один из ораторских жанров. На русской почве басня стала одним из самых излюбленных поэтами жанров. В поэтике классицизма басня относилась к низким жанрам. Этому способствовал «низкий» язык, близкий к разговорному, а также близость басни к русскому

народному творчеству [15, с. 153]. Условно в басенном жанре можно выделить два течения, оказавших на становление русской басни большое влияние: эзоповская басня с ее классическим иносказанием и басни Лафонтена, ориентированные на высокую художественность [22, с. 13]. М. В. Ломоносов выделял три основных вида басни по изображению жизни и характеру персонажей: «натуральные», «смешанные» и «ненатуральные» [11, с. 361–365]. Основными признаками басни, по Третьяковскому, были: краткость, присутствие аллегии, нравоучительность, «простота речей» [15, с. 152]. А. П. Сумароков в своей «Эпистоле II» относит басню к низким жанрам и считает, что смех в ней должен быть легким и благородным, а речи – простыми.

Структура классической басни была, по мнению М. В. Ломоносова, двучастной и состояла из повествования и назидания-морали (приложения) [11, с. 363]. Иногда можно встретить «преддверие» басни. При всей сложности основной части, смысловым центром басни является ее назидание. Н. Ф. Остолопов говорил, что «нравоучение есть краткое изъяснение содержащейся в басне Аллегии, с применением оной к нашим нравам...» [16, ч. 1, с. 79]. А. Н. Пашкуров и А. И. Разживин подчеркивают, что классицистическая басня имеет четкую структуру и заканчивается назиданием, высмеивает различные человеческие пороки: жадность, гордость, глупость, чванливость, трусость, хитрость и т. д. При этом стоит заметить, что Г. В. Москвичева отмечает свободное расположение частей басни у Эзопа, Федра, Лафонтена и Крылова, связывая у последнего это с сумароковскими традициями [15, с. 165]. Как пишет исследователь, «предметом [басни] стали хищники всех рангов, взяточники, невежды, люди, забывшие о своем гражданском долге, поправшие права слабого» [15, с. 153].

Тематика басни разнообразна, она меняется в зависимости от литературной школы и исторического контекста. Е. Д. Желябужский выделял три периода в развитии и становлении басни. Первый – «младенческое время... истории». Для этого периода характерно восприятие животных мыслящими и действующими, говорящими на своем языке. В этих баснях отразилась вера народа в рассказываемые события, в отражении поверий и обычаев народа, в выборе героев. Второй период ученый связывает с именем Эзопа. Для басни становится характерна аллегория, появляется поучение [5, с. I–IV]. И. З. Серман отмечает, что аллегорическое истолкование басен, поиски в них философско-политического смысла – вот то новое, что привнесла литература классицизма в судьбу басни как жанра [20, с. 191]. В средние века назидание – главная часть басни. В третий период рассказ становится сатирическим, нравоучение поддерживает главную мысль повествования и является единым целым с ним [5, с. I–IV]. А. И. Разживин и А. Н. Пашкуров выделяют три этапа в развитии басни XVIII – начала XIX века: классицистическая басня, басня сентиментализма и басня реалистическая. Другую периодизацию предлагает Н. Л. Степанов, который выделяет четыре этапа развития басен: первая половина XVIII века. Здесь автор приводит таких баснописцев, как А. Д. Кантемир, М. В. Ломоносов и В. К. Третьяковский, отмечая, что именно на основе их творчества русский читатель начал знакомство с литературной басней. Вторым периодом Л. Н. Степанов считает шестидесятые годы XVIII века, отмечает, что это был расцвет басни, на который особое влияние оказали «притчи» А. П. Сумарокова, заложившие основные тенденции развития жанра. Кроме того, ученый подчеркивает, что В. И. Майков и М. М. Херасков оказали особое влияние на становление жанра русской басни. В качестве третьего периода Л. Н. Степанов выделяет восьмидесятые годы XVIII столетия, когда появились такие выдающиеся баснописцы, как И. И. Хемницер, который «вывел» басню из низкого жанра. Четвертым этапом Л. Н. Степанов считает 1800–1840-е годы XIX века, связывая его с появлением баснями И. А. Крылова и его современников [22, с. 12–18].

Н. Ф. Остолопов пишет, что для басни характерны аллюзия, близость к фольклору, подробное перечисление действий детально описанных героев [16, ч. 1, с. 86], Г. А. Москвичева отмечает, что в басне подразумевается одна действительность в различных формах зла, поданная через композиционное противопоставление, которое сближает басню с комедией [15, с. 165].

И. З. Серман выделял два направления классицистической басни: ломоносовское и сумароковское. М. В. Ломоносов узаконил двучленную структуру (повествование-вымысел и краткое нравоучение) и настаивал на серьезности жанра. А. П. Сумарокову же была близка лафонтеновская басня, поэтому он обличал «играючи», не всегда заботясь о соблюдении нравоучения. Это привело к сближению между автором, который не поучает, а делится своим опытом и мыслями с читателем. Именно в творчестве А. П. Сумарокова басня получает свою форму и живой язык [20, с. 197–198, 205]. С. А. Салова замечает, что М. В. Ломоносов к басням

«относил поэтическую традицию, индексированную именем легендарного древнегреческого песнопевца Анакреонта» и считал, что они преследуют, «...в отличие от морализаторской притчи эзоповского типа, сугубо развлекательные цели» и рассчитаны на читателей «с неразвитым эстетическим вкусом». Однако автор работы отмечает, что А. П. Сумароков, вступив в литературную полемику с М. В. Ломоносовым, пишет анакреонтические притчи, в которых сохранена дидактическая функция [19, с. 1776]. Г. А. Москвичева подчеркивает, что Сумароков и поэты его школы создали «басенный стих», сформировали определенный «басенный сказ», основанный на комедийном диалоге, уравнивали соотношение повествования и морали, и, благодаря сумароковской школе, басня из низкого жанра стала близка «среднему» [15, с. 154]. Е. И. Лебедев замечает, что басни А. П. Сумарокова и В. И. Майкова следует относить к классицистическим, так как для них характерно столкновение «высокого» и «низкого» слога, добра и зла, идеала и порока [8, с. 304]. Той же точки зрения на басни А. П. Сумарокова придерживается и Л. Ю. Виндт: «Непомерная смелость его выражений причиною, что басни сии мало читаются. Многие из сих выражений оскорбляют образованный вкус». Внедряются целые куски высокого стиля – обычно для комического эффекта» [4, с. 82]. Как отмечает Ю. М. Лотман, после XVIII века «...отсутствие сатирического момента в басне воспринимается как некоторая неполнота, нарушение ожидания, которое само может быть источником значений. Сообщение о наличии в басне сатирического элемента вряд ли кого-нибудь поразит – оно содержится в самом определении жанра» [12, с. 217].

Написанные в шестидесятые годы XVIII века басни В. И. Майкова, как отмечает А. В. Западов, наряду с баснями А. П. Сумарокова «сообщили дальнейший ход развитию русской басни» [7, с. 24]. Именно А. П. Сумароков, а вслед за ним и В. И. Майков, определили два типа басен: в одной обобщенный сюжет, в других – подробно рассказанный один эпизод [15, с. 166–167]. В баснях, где изображаются действия персонажей, диалогическая речь замещает авторский монолог [15, с. 170].

П. В. Филимонова в своей статье отмечает следующие особенности басен А. П. Сумарокова: «сатирическую природу, обращенность к бытовой сфере, демократизм в выборе языковых средств и форм комического для обличения распространенных общественных пороков» [24, с. 120]. Именно эти черты басни стали основополагающими для учеников сумароковской школы и предопределили во многом творчество последующих баснописцев, например, И. А. Крылова.

На самобытное развитие русской басни оказали влияние две основных тенденции: интенсивное появление западноевропейских произведений, ранее не доступных нашему читателю, и русский фольклор. Из мировой традиции русская басня заимствовала дидактичность, двучастную структуру, басенные сюжеты и образы. Таким образом, становление и развитие басенного жанра связано с проблемой заимствований. Эта проблема затронута в исследованиях Н. Л. Степанова [23], И. З. Сермана [20, с. 221–279]. Близость басни к фольклору обусловила появление басенных элементов в самых ранних народных произведениях. Большое влияние на развитие жанра басни оказал древнеиндийский сборник новелл и басен «Панчатантра», переизданная в арабском сборнике под названием «Калила и Димна». Не позднее XIII века этот сборник был переведен на русский язык под названием «Стефанит и Ихниллат». Кроме этих нравоучительных сборников, особо выделяют «Политические и нравоучительные басни Пильпая, философа Индейского», переведенные Б. Волковым в 1762 году. Одна из басен Пельпея нашла отражение и в творчестве В. И. Майкова. Так, как отмечает А. В. Западов, басня «Двое прохожих и клад» является сокращенным переводом басни Пильпея «О двух путешественниках и о льве, сделанном из белого камня» [7, с. 463]. В творчестве В. И. Майкова, для которого первично счастье, известный сюжет получает новое звучание. При этом в морали басни В. И. Майкова мы читаем: «Я зрю, что счастье о нас не рассуждает; / Равно и дураков, как умных, награждает» [13, с. 136]. По мнению поэта, необходимо не задумываться о рисках, а кидаться «в мутную воду» за сокровищем на том берегу, потому что счастье может улыбнуться любому, и если долго сомневаться, то оно может достаться тому, кто готов рискнуть. Всего у В. И. Майкова одиннадцать басен с заимствованным сюжетом из переводных текстов. Однако каждая из них, выйдя из-под пера В. И. Майкова, заиграла новыми смыслами. Известно, что Эзоп писал свои басни ритмизированной прозой, русские же баснописцы, вслед за Федром, тяготели к стихотворной форме. Не стал исключением и В. И. Майков, который в своем творчестве обратился к нескольким басням Эзопа. Так, у Эзопа есть басня «Тело и члены» [25, с. 121], в которой члены взбунтовались и перестали кормить желудок. В результате бунта погибли все. Как отмечает А. В. Западов, в этой басне народ – тело, а монарх ему глава.

«Ежели один член должных главе своей услуг не принесет, то его за такого бунтовщика почитать надлежит, который леностью и ослушанием то ж, что другой равный ему самым делом упускает» [6, с. 206]. На эту же тему, по мнению критика, написал В. И. Майков басню «Голова и ноги». Фабула сводится к ссоре ног между собой и последующему обращению к голове, которая у них была за царя. Совет был дан такой:

*Вы так сотворены премудрою судьбою,
Чтоб жить в согласии вам век между собою.
То если кончится согласие меж вас,
Мне будет вред и вам [13, с. 155].*

Для В. И. Майкова на первый план выходят не роптания народа на несправедливость головы, которая живет за счет других, а споры внутри одинаковых членов – народа. По мнению автора басни, только мир и согласие между равными членами государства-организма может привести к покою. От ссор и споров вред не только царю, но и самому народу. В басне классициста Майкова угадывается традиционный для данного направления образ справедливого и умного правителя-головы.

Другая тема раскрывается русским поэтом в басне «Собака на сене», сюжет которой заимствован из одноименной басни Эзопа. Но если у Эзопа вся басня занимает несколько строк, то у В. И. Майкова она полна деталями, которые не только украшают сюжет, но и расширяют его. Так, В. И. Майков вводит третье действующее лицо – хозяина, в то время как у Эзопа всего два: бык и собака. В русской басне хозяин представлен справедливым человеком, который не дает в обиду тех, кто у него живет. Если у Эзопа мораль-призыв «Живи и жить давай другим», то у В. И. Майкова за жадность собаку ждет расплата: она не только лишена обеда со стола хозяина, но и лишилась своего места и была побита:

*Погнал Собаку с сена,
Притом ей говорил: «Поди-тко, друг мой гость,
Под лавку ляг и там гложи вчерашню кость,
Которая тебе осталась от обеда,
Коль честь тебе не в честь;
Травы тебе не есть,
А ешь-ко то, что ест собака у соседа,
А это дай другим, кто может это есть» [13, с. 165].*

Еще одна басня Эзопа, к сюжету которой обращается В. И. Майков, – «Отец и сыновья». У ярославского баснописца она называется «Отец и Дети». В басне Эзопа рассказывается, что сыновья старика все время ссорились, тогда он на примере веника показал своим детям, что только в том случае, если они будут вместе, ничто не сможет их сломить. В. И. Майков трансформирует басню, вкладывая в нее новый смысл. Так, умирающий старик у поэта говорит своим детям, что зарыл в поле клад, но забыл где. Дети перекопали поле, клад не нашли, зато засеяли пашню и получили хороший доход, когда зерно вызрело. Для поэта важно, что совместный труд всегда возвращается сторицей. Дети у Майкова не только не ссорятся, но и вместе работают и обогащаются:

*Сторично семена к ним с поля возвратились,
И так, искавши клад, они обогатились.
Кто в хлебопашестве хороший знает лад,
Тот подлинно себе находит в поле клад [13, с. 178].*

В басне В. И. Майкова родитель дал своим сыновьям мудрый совет о правилах достойной жизни.

Басня Эзопа «Галка в чужом перье» получила у В. И. Майкова свою трактовку и приобрела национальный колорит. У Эзопа смысл басни сводится к тому, что, взяв чужое и вернув обратно, человек остается с тем, с чего начал. В басне В. И. Майкова «Осел, пришедший на пир к медведю во львиной коже» среди хищников был принят на пиру и Осел, притворившийся львом, но его очень быстро изобличили другие животные и герой басни так же, как и эзопов-

ская Галка, остался ни с чем. Однако очень скоро звери раскрыли обман по его речам и выгнали с пира. Так, известная поговорка, что «Встречают лишь по платью, / проводят – по уму» обросла у поэта различными комическими подробностями: «Покрыл ей [львиной шкурой] стан и рожу», «...не хочется обедать Льву, / Затем, что ел сегодня я траву...» – и динамичным сюжетом от «...Льву почтение достойное отдать» через «...с ним Лиса вступила в разговоры...» до «Прогнали гостя вон...» [13, с. 168–169].

Известно, что басни Эзопа отличались ритмичностью, возможно, были стихотворными, и уже позднее, в пересказах, обрели эпическую форму. Это способствовало многократному их переложению. Одним из авторов, обратившихся в своем раннем творчестве к басням Эзопа, был Федр, ставший основоположником латинской стихотворной басни [26, с. 27]. В 1764 году в Петербурге появляются «Федра, Августова отпущенника, нравоучительные басни, с Эзопова образца сочиненные, а с латинских российскими стихами переложенные Академии наук переводчиком Иваном Барковым» [4]. В своих поздних баснях-притчах Федр обращается не только к сюжетам, заимствованным у Эзопа, но и к самобытным. Так, у Эзопа есть басня «Лев и медведь», у Федра на этот сюжет написана басня «Корова и коза, овца и лев», а у В. И. Майкова – «Медведь, волки, лисица». Все три автора вносят в басни, имеющие схожий сюжет, свою интерпретацию. Так в басне Эзопа лисица украла добычу, ради которой медведь и лев сражались между собой. Лиса представляет собой хитрого человека, получившего награду без труда. Согласно Эзопу, иногда награда за труды достается не тому, кто ее заслужил. Федр придает своей басне другое звучание. Там награда достается самому сильному. Лев отбирает добычу у тех, кто с ним охотился. У Майкова в басне появляется не только мотив силы, но и с появлением лисы мотив хитрости. В его басне соединяются мотивы, предложенные Федром и Эзопом. Волк, Лиса и Медведь вышли на охоту, но нашли кусок ветчины. Лиса хотела обманом завладеть добычей, предложив отдать ее тому, кто самый старый.

*Так станем разбирать мы лета, не чины, –
Лиса сказала, –
И кто постаре в сем чину,
Тот ешь и ветчину
Но медведь забрал кусок силой:
Любезная Лиса и ты, дружочек мой,
Хотя я вас моложе
И нету у меня волос седых на коже,
Подите от меня бесспорно вы домой,
А полоть мой [13, с. 147].*

В. И. Майков показывает в этой басне, что не всегда хитростью можно добиться необходимого результата. Часто в жизни бывает, что «кто сильнее, тот и прав».

В. И. Майков был знаком с творчеством этого баснописца в изложении Д. И. Фонвизина и на сюжет двух басен написал свои. Так, первой басней стала «Козел и жемчужная раковина». В басне В. И. Майкова, со схожим сюжетом, используются просторечные слова «дурак» и «тварь глупая», кроме того, если Д. И. Фонвизин использует прозаическую форму, то у В. И. Майкова басня приобретает стихотворную. Вторая басня Гольберга в переложении Д. И. Фонвизина, на которую обратил внимание В. И. Майков, – «Лошадь знатной породы». В интерпретации В. И. Майкова – «Конь знатной породы». И снова мы встречаем замену прозаической формы стихотворной, появляются дополнительные детали:

*Конь, будто дворянин,
Пьет, ест, гуляет в поле
И поднимает нос.
Другой, всегда в неволе,
Таскает на себе грязь, воду и навоз [13, с. 145].*

Если в басне Гольберга мы читаем, что лошадь сама жаловалась на свою низкую цену, то у В. И. Майкова на цену коню указывает сам хозяин, говоря, что значимость не в знатности, а в том, что из себя представляет сам конь. По мнению Гольберга и В. И. Майкова, суть человека определяет не его происхождение, а то, чем он сам является.

В своем творчестве Лафонтен обращался к басням Эзопа и Федра. В. И. Майкова заинтересовали три из них: «Лягушки, просящие царя» и «Медведь, волки, лисица» и «Эзопово объяснение одного завещания». Особенный интерес представляет басня «Лягушки, просящие царя». Лягушки у В. И. Майкова понимают, что без царя у них не может быть нормальной жизни. В басне Майков не смеется и не иронизирует над лягушками. Их позиция относительно власти адекватна: «У нас / На всякий час / Друг дружку ненавидят; / Бессильных сильные обидят; / А сильный сильного считает за врага... / ...И словом, все у нас наполнилось сим ядом; / Мы стали фурии, болото стало адом» [13, с. 137]. Из этого примера видно, что просьба о царе для лягушек – единственный выход из гнетущей ситуации. У Майкова отношение лягушек к власти созвучно авторскому мировоззрению. Поэт считал, что любая власть должна быть основана на справедливости и чести, поэтому лягушки у автора пытаются найти себе хорошего царя, потому что, как отмечает К. А. Абульханова, «идеи, возникающие на российской почве, всегда были замешаны на вере и психологии, будь то вера в Христа, поиск вечной справедливости или коммунизма» [1, с. 153].

Г. В. Москвичева отмечает, что В. И. Майков сначала комически изображает лягушек, но с появлением второго «царя» повествование принимает трагический характер. Автор рассказывает басню так, как будто сам верит в реальность данного случая [15, с. 174].

Будучи низким жанром, самобытная русская басня не избежала влияния народного фольклора. А. А. Потебня отметил генетическое родство басни с пословицей и поговоркой [17]. И. Снигирев в предисловии к «Русским народным пословицам и притчам» отмечал: «Как многие притчи и басни сократились в пословицы... так равно последние развиты в баснях и притчах» [21, с. 31]. Близость к таким жанрам фольклора, как сказки (особенно сказки о животных), новеллы, анекдоты, пословицы и сентенции, отмечена в литературной энциклопедии А. Н. Николюкина [9, с. 73–74].

В басне «Неосновательная боязнь» В. И. Майков сам сравнивает свою басню со сказкой: «На этот случай я хочу сказать вам сказку...» [13, с. 176]. Сюжет басни незамысловат. Боярин, вслед за многими, боится умереть от удара молнии, поэтому, заметив грозовое облако, так спешит домой, что его коляска налетает на камень и сам он погибает. Автор в этой басне не только не использует сказочный сюжет, но, напротив, сближает его с жизнью. Мотив рока, судьбы проходит через всю басню: «А от судьбы никто не спрячется нигде» [13, с. 176]. Высмеивая суеверный страх боярина перед грозой, автор сравнивает героя своей басни со старухами, мнящими, что храмы горят, потому что дьявол прячется там от грома. Сближение этой басни со сказкой вызвано не структурной близостью басни или типами героев, а выдуманным сюжетом. Заявляя сразу, что познакомит читателя со сказкой, В. И. Майков условно готовит читателя, что такого случая не было, а совпадения случайны, но читающие понимают, что сюжет более чем реалистичен.

Жанровая близость басен к устному народному фольклору наблюдается и в ее сюжетах, основанных на народных анекдотах и сатирических рассказах. Басней, основанной на распространенном анекдоте, стала басня В. И. Майкова «Случай». В этой басне голодному Прохожему приснилась еда, но ложку он в мешке забыл. Проснувшись, Прохожий в надежде, что сон повторится, берет с собой за пазуху ложку. В. И. Майков смеется над героем своей басни, указывая, что если возможность упущена, то уже никогда ею не воспользоваться [13, с. 172].

XVIII век – век просвещения. Народные приметы и суеверия высмеиваются В. И. Майковым в нескольких баснях. Например, в басне «Наказание ворожее» автор высмеивает деревенскую ведьму, обладавшую колдовской силой: «Она могла луну лишати света, / Деревья иссушать средь лета, / Чрез дьявольскую мочь / Из дня творила ночь, / А по зимам цветы произрастала...» [13, с. 141], которая потеряла любимую собачку и из-за этого решила уничтожить весь свет. Но после колдовства ворожеи в ее дом ударила молния и героиня басни погибла. В. И. Майков пишет, что таких ворожей, которые думают только о себе, в мире много. Однако внимательный читатель понимает, что такие люди не заслуживают долгой и счастливой жизни.

Не только сказочные мотивы ложатся в основу басен В. И. Майкова. Как отмечает А. В. Западов в комментариях к басне «Повар и портной», баснописец перерабатывает сюжет известной народной песни «Ехал Пан», в которой Пан встречается с молодой красивой девушкой. В. И. Майков сталкивает Пана сначала с поваром, а затем с портным. Однако если в басне повар получает за знание своего дела денежную награду, то выдающий себя за повара портной, который не знает особенности поварской профессии, получает в награду удары плетью. Так, В. И. Майков, используя ту же двучастную структуру, что и в песне, обыгрывает сюжет и показывает важность не только знания особенностей своего дела, но и подчеркивает, что за ложь бывает наказание.

Кроме сказочных сюжетов, обращался В. И. Майков и к древнерусским повестям. Так, в основу басни «Дуб и мышь» лег сюжет притчи из древнерусской повести о Варлааме и Иосафате. В притче рассказывается о человеке, который, спасаясь от разъяренного единорога, упал в яму. Пока падал, уцепился руками за корни дерева, которые подгрызали мыши; ногами уперся в четырех аспидов; внизу его ждал дракон, а сверху стекал мед. В интерпретации Валаама, каждый элемент имеет свое значение. Так яма, в которую упал человек, – это мир, а мыши, грызущие корни дерева, – это человеческая жизнь, которая постоянно уменьшается, сменяемая днем и ночью. В. И. Майков заимствует образ дерева как источника жизни и добавляет в значение, данное Валаамом, характерный для классицизма оттенок успешности и признанности заслуг человека: «Дуб горд, велик, надежен, / Толст, крепок и широк...» [13, с. 174]. Баснописец сочетает мотив старости и смерти и мотив падения человека по «карьерной лестнице»: «Где, Дуб, твоя краса? Она уже увяла, / И ты, скатясь на низ, поверженный лежишь» [13, с. 174]. Автор подчеркивает, что неважно, насколько человек силен, богат, здоров: «А рок на свете всем и вами обладает» [13, с. 174].

Среди басен В. И. Майкова можно выделить басни-напутствия, в которых сказочный, выдуманный сюжет коррелируется с жизненными ценностями автора. Так, в басне «Земля и облако» маленькое облачко не послушалось матери и погибло, вознесясь к небесам. Автор советует прислушиваться к старикам. В другой басне «Детина и конь» автор советует: «Кто в юности пороки побеждает, / тот в старости свой век спокойно провожает» [13, с. 153]. Здесь жизнь человека сравнивается с лошадыю. Кто скачет разнузданно и не ограничивает себя, тот не может избежать встречи с «ворами» – болезнями, жизненными неурядицами.

Тема дружбы и успеха становится объектом рассмотрения в басне В. И. Майкова «Солнце и луна». В басне встречаются Солнце и Луна. Одно сияет как «великий господин», вторая говорит о себе: «А я хожу в странах небесных, / Нимало не мрача / Сиянья звезд прелестных, / Сама меж них блещу, как ясная свеча» [13, с. 179]. В этой басне впервые В. И. Майков задается вопросом, что важнее: сиять одному и не иметь друзей или жить в тиши с друзьями. Позднее этот мотив разовьется в оде «Графу Г. З. Чернышову». Будучи человеком придворным, В. И. Майков вслед за темой дружбы не мог не задуматься над темой лести и льстецов. В басне «Кошка и соловей» кошка притворяется другом птичке, а потом съедает ее. В басне «Лестные друзья» автор сравнивает дружбу с такими людьми с ездой по тонкому льду, который лишь казался твердым и прочным. В. И. Майков пишет: «Разрушился сей лед внезапно подо мной, / И я, конечно бы, покрывлся глубиной, / Когда б с младенчества я плавать не учился» [13, с. 156]. Из этих строк мы можем предположить, что В. И. Майков столкнулся с другом-льстецом, но его природный ум и жизненный опыт помогли ему: «Я выплыл, и опять я выбился на лед» [13, с. 156].

Тема ума – одна из ключевых в творчестве В. И. Майкова. Как отмечает Г. В. Москвичева, В. И. Майков «верит в силу человеческого разума» [15, с. 159]. Так, в басне «Роза и Ананас» цветок настаивает на том, что он красивый, ароматный и всех прельщает. Однако автор подчеркивает, что важна не внешняя красота, которая быстротечна, а внутренняя, как у Ананаса. Поэт пишет: «Когда ж краса минется, / Тогда единый ум при нас лишь остается» [13, с. 174]. Еще одна басня, которая воспеваема ум человека, – «Лисица и бобр». В басне рассказывается о глупой лисице, которая хвастается, что Юпитер все отдал зверям, а «для человека лишь один оставлен ум» [13, с. 166]. Частица *лишь* в высказывании лисы подчеркивает никчемность дара Юпитера человеку и усиливается следующей фразой лисицы: «Какая для него оставлена безделка!» [13, с. 166]. Выразителем авторской позиции в басне является бобр, который понимает, что для зверей ум человека не кончится добром. В морали В. И. Майков пишет, что «качества души телесных сил дороже» [13, с. 167]. Так для автора басни ум – это качество души.

Известно, что В. И. Майков был помещиком, поэтому в его творчестве возникает еще одна самобытная тема – тема сохранения имущества. Так, в басне «Медведь и волки» автор сравнивает медведя, который, спасаясь от волков, из-под себя стог с сеном весь повыдергивал, с нерачительным хозяином, который не бережет свое имение, потому что у него нет денег на самое необходимое. И в морали автор предупреждает: «Кто, не радя, свое имение расточает, / Тот жизнь свою в скорбях и бедности кончает» [13, с. 172]. Басня «Сорока, Галка и Соя», основываясь на народной примете, напоминает, что необходимо оберегать свое добро от сорок, которые любят серебро. По сюжету басни Соя и Галка нашли мешочек серебра и позвали Сороку рассудить, чей он. Но, как и в басне Эзопа «Медведь, Волк и Лиса», награда досталась не тому, кто заслужил, а тому, кто хитростью ее смог в последний момент добыть.

Тема власти раскрывается В. И. Майковым в басне «Иголка и нитка», в которой иголка желала стать повелительницей нитки. Однако нитка возразила, что обе они подвластны портному. Автор басни подчеркивает, что любой, наделенный властью, должен помнить о существовании высшей власти – божественной. Именно Бог наделяет того или иного властью: «...всяка власть от бога». Продолжая эту злободневную тему, В. И. Майков пишет басню «Общество», в которой ставит в один ряд крестьянина, князя, солдата, купца и мастерового. Для монарха все подданные являются детьми и каждый из них, по мнению писателя, любим монархом и важен для общества.

Тема личных заслуг также близка В. И. Майкову. В басне «Лев, званный к мартышке на прием» подчеркивается, что ни золотые рога, ни хвостовство быка о знатности его рода не вселили в мартышку благоговейный страх, на который рассчитывал Бык. Она говорит: «...Льва лишь почитаю, / Издревле знаменит здесь в роде он своем, / А храбростью своей гремит во свете всем» [13, с. 159]. Для мартышки так же, как и для автора, значимыми являются не внешность и не знатность, а храбрость и личные заслуги. В басне «Корабль и лодка» В. И. Майков подчеркивает, что потомки знатных вельмож давно ведут праздный образ жизни и предаются порочным страстям, они могут только хвалиться. В дни бурь только сильный духом может выстоять: «Великая душа в напастях познается, \ Какая от небес не каждому дается» [13, с. 158]. Тема творчества раскрывается поэтом в басне «Сова». В ней В. И. Майков высмеивает своих литературных оппонентов. Автор отмечает, что некоторые считают себя истинными творцами, не понимая своей бездарности. Автор пишет: «Кто дело сил своих превыше затевает, / Тот так же посрамлен, как Совушка, бывает» [13, с. 157]. Этой же теме посвящена еще одна басня «Роза и змея». Здесь автор говорит о том, что сатира должна быть, как роза, и жалить с умом, а не быть подлой, как Змея, источающая яд. В басне «Пчела и змея» поэт подчеркивает, что и та и другая пьют цветочный сок, но у одной выходит мед, а у другой – яд. Так и у людей: один из книг, по мнению автора басни, берет только самое полезное, другой, напротив, только вред.

Тема воровства и мздоимства раскрывается в басне «Вор и подьячий», в которой пойманный вор говорит своему судье: «Когда родитель твой жил очень небогато, / Откуда ж у тебя сие взялося злато? / Разбойник я ночной, / А ты дневной» [13, с. 148]. Для В. И. Майкова взяточничество – тоже кража. Автор считает, что избавиться от краж и воров можно только в случае реального наказания. Так, в басне «Вор», в которой вор украл ремень, именно этим ремнем провинившийся и был лишен жизни. Автор говорит: «Когда по истине дела вершиться станут, / Так воровать навек злодеи перестанут» [13, с. 137]. Другой выход В. И. Майков предлагает в басне «Рыбак и щука». Автор призывает побережь себя, потому что порок, свойственный человеку, станет его же погибелью. Эта басня особенно интересна тем, что она единственная, где В. И. Майков использует ихтиологический образ Щуки. А. А. Агафонова отмечает, что В. И. Майков первым среди баснописцев XVIII века обратился к данному архетипическому образу человеческих пороков [2]. В традиционный для русской литературы образ В. И. Майков добавляет усиленное внимание к личностным характеристикам персонажа.

Стоит заметить, что как переводные, так и авторские басни В. И. Майков, будучи учеником сумароковской школы, пишет вольным ямбом, как правило, мораль басен находится в конце. Кольцевая композиция используется автором в басне «Лестным друзьям», в которой автор и в начале, и в конце просит льстецов избавить его от своей дружбы. В басне «Медведь, волк и лиса», а также «Ответ Нерону» автор переносит наставление в начало повествования. В ряде басен мораль вплетена в текст повествования и не выделена в особую часть.

Список литературы

1. Абульханова К. А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности) : Избранные психологические труды. М. : Московский психолого-социальный институт ; Воронеж : МОДЭК, 1999. 224 с. URL: http://pedlib.ru/Books/4/0171/4_0171-153.shtml (дата обращения: 19.04.2020).
2. Агафонова А. А. Ихтиологические образы в сатире XVIII века // Молодой ученый. 2015. № 9.1 (89.1). С. 59–61. URL: <https://moluch.ru/archive/89/18539> (дата обращения: 19.04.2020).
3. Барков И. С. Полное собрание стихотворений. СПб. : Академический проект, 2005. URL: http://az.lib.ru/b/barkow_i_s/text_1764_fedra_avgustova.shtml (дата обращения: 19.04.2020).
4. Виндт Л. Ю. Басня Сумароковской школы. Поэтика. Л., 1926.
5. Желябужский Е. Д. Русская басня в жизнеописаниях ее главных представителей : И. И. Хемницер, И. И. Дмитриев и дедушка Крылов. 2-е изд., доп. и испр. М. : Тип. и лит. Торлецкого и Терихова, 1874. VI. 114 с.

6. *Западов А. В.* Комментарии: В. И. Майков. Двое прохожих и клад // Избранные произведения / В. И. Майков. М. ; Л. : Советский писатель, 1966. С. 457–458.
7. *Западов А. В.* Творчество В. И. Майкова // Избранные произведения / В. И. Майков. М. ; Л. : Советский писатель, 1966. С. 5–52.
8. *Лебедев Е. И.* Крылов // История всемир. литературы : в 8 т. М. : АН СССР ; Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького, 1983–1994. Т. 6. С. 303–306.
9. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина ; Ин-т науч. информации по общественным наукам РАН. М. : Интелвак, 2001. 1600 с.
10. Литературная энциклопедия : в 11 т. Т. 1. М. : Изд-во Ком. Акад., 1930. Стб. 359–364. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclp/le1/le1-3591.htm>.
11. *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М. ; Л., 1952. Т. VII.
12. *Лотман Ю. В.* Анализ поэтического стиля. Структура стиха. М. : Наука, 1972. 217 с.
13. *Майков В. И.* Избранные произведения. М. ; Л. : Советский писатель, 1966. (Библиотека поэта; Второе издание).
14. *Майков Л. Н.* О жизни и сочинениях Василия Ивановича Майкова. Санкт-Петербург : Тип. И. И. Глазунова, 1867. 56 с.
15. *Москвичева Г. В.* Русский классицизм. М : Просвещение, 1986. 191 с.
16. *Остолопов Н. Ф.* Словарь древней и новой поэзии. Санкт-Петербург : типография Императорской Российской Академии, 1821. Ч. 1. 531 с.
17. *Потебня А. А.* Из лекций по теории словесности Басня. Пословица. Поговорка // Теоретическая поэтика / А. А. Потебня. М. : Высшая школа, 1990.
18. Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / под ред. К. А. Абульхановой, А. В. Брушлинского, М. И. Володиной. М. : Институт психологии РАН, 1997. 336 с.
19. *Салова С. А.* «Притчи» А. П. Сумарокова (1762): продолжение русского «спора об Анакреонте» // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 4. С. 1773–1776.
20. *Серман И. З.* Крылов-баснописец // Иван Андреевич Крылов. Проблемы творчества : сб. ст. Л. : Наука, 1975. С. 221–279.
21. *Снегирев И. М.* Русские народные пословицы и притчи / отв. ред. О. А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2014. 528 с.
22. *Степанов Н. Л.* Мастерство Крылова-баснописца. М. : Советский писатель, 1956.
23. *Степанов Н. Л.* Басни Крылова . М. : Художественная литература, 1969. 110, [2] с.
24. *Филимонова П. В.* Особенности жанра басни в поэтической системе М. Н. Муравьева (1757–1807) // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2014. № 2 (126). С. 119–121.
25. *Эзоп.* Басни. 138 с. Книга без титульного листа и обложки, книга на русском, немецком и французском языках с непрономерованными иллюстрациями. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01004494649#?page=1> (дата обращения: 19.04.2020).
26. *Энциклопедический словарь юного литературоведа* / сост. В. И. Новиков. М. : Педагогика, 1988. 416 с.

Thematic and aesthetic originality of fables by V. I. Maikov

O. A. Meteleva

postgraduate student of the Department of Russian and foreign literature and teaching methods,
Vyatka State University. Russia, Kirov. E-mail: olesyaste@mail.ru

Abstract. The article deals with the actual problem of studying the national specifics of classical genres. The genre of fables on Russian soil underwent serious changes in the 1760s. During this period, the fable is enriched with original national features. V. I. Maikov made a great contribution to the development of this genre.

The purpose of the article is an attempt to systematize the fable creativity of V. I. Maikov from the point of view of the originality of the plot, the main themes and images, genre and compositional features.

The research methodology is based on the basic principles and concepts of a holistic literary analysis of a literary text using the cultural-historical, intertextual, comparative-typological method.

The research proves that V. I. Maikov's fables – both with borrowed and original plot-are original, revealing the ideology of the era of Russian classicism through national color, reflected in the system of images, language phenomena, rhythmic drawings and in the construction of the composition. The article notes the proximity of fables with original subjects of Russian folklore: fairy tales, old Russian stories, sayings. A fable based on the plot of a folk song is considered. The author of the article notes that even the story borrowed from Russian folklore by V. I. Maikov gets a new sound. The article reveals the thematic diversity of V. I. Maikov's fables. The leading themes of fables are power, friendship, creativity, material well-being, and rational existence.

The results of the research can be used in theoretical works that address the analysis of the fable creativity of poets, transitional phenomena and genre transformations in literature, as well as in the practice of teaching the history of Russian literature.

Keywords: fable, Russian poetry of the XVIII century, genre system of classicism, genre synthesis, traditions and innovation in literature, literature and folklore.

References

1. Abul'hanova K. A. *Psihologiya i soznanie lichnosti (Problemy metodologii, teorii i issledovaniya real'noj lichnosti) : Izbrannye psihologicheskie trudy* [Psychology and consciousness of personality (Problems of methodology, theory and research of real personality) : Selected psychological works]. M. Moscow psychological and social Institute ; Voronezh. MODEK. 1999. 224 p. Available at: http://pedlib.ru/Books/4/0171/4_0171-153.shtml (date accessed: 19.04.2020).
2. Agafonova A. A. *Ihtiologicheskie obrazy v satire XVIII veka* [Ichthyological images in satire of the XVIII century] // *Molodoj uchenyj – Young scientist*. 2015. No. 9.1 (89.1). Pp. 59–61. Available at: <https://moluch.ru/archive/89/18539> (date accessed: 19.04.2020).
3. Barkov I. S. *Polnoe sobranie stihotvorenij* [Complete collection of poems]. SPb. Academicheskij proect. 2005. Available at: http://az.lib.ru/b/barkov_i_s/text_1764_fedra_avgustova.shtml (date accessed: 19.04.2020).
4. Vindt L. Yu. *Basnya Sumarokovskoj shkoly. Poetika* [Fable of the Sumarokov school. Poetics]. L. 1926.
5. Zhelyabuzhskij E. D. *Russkaya basnya v zhizneopisaniyah ee glavnyh predstavitelej : I. I. Hemnicer, I. I. Dmitriev i dedushka Krylov. 2-e izd., dop. i ispr.* [Russian fable in the lives of its main representatives : I. I. Chemnitzer, I. I. Dmitriev and grandfather Krylov. 2nd ed., add. and corr.] M. Tip. and lit. Terletskogo and Terehova. 1874. VI. 114 p.
6. Zapadov A. V. *Kommentarii: V. I. Majkov. Dvoe prohozhih i klad* [Comments: V. I. Maikov. Two passers-by and a treasure] // *Izbrannye proizvedeniya – Selected works / V. I. Maikov. M. ; L. Sovietskij pisatel'. 1966. Pp. 457–458.*
7. Zapadov A. V. *Tvorchestvo V. I. Majkova* [Creativity of V. I. Maikov] // *Izbrannye proizvedeniya – Selected works / V. I. Maikov. M. ; L. Sovietskij pisatel'. 1966. Pp. 5–52.*
8. Lebedev E. I. *Krylov [Krylov] // Istoriya vsemir. literatury : v 8 t. – The history of the world literature : in 8 vols. M. AS SSSR ; In-t of world lit. n. a. A. M. Gorky. 1983–1994. Vol. 6. Pp. 303–306.*
9. *Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij – Literary encyclopedia of terms and concepts / ed. A. N. Nikoljukin ; In-t of scient. information on Social Sciences. M. Intelvak. 2001. 1600 p.*
10. *Literaturnaya enciklopediya : v 11 t. T. 1 – Literary encyclopedia: in 11 vols. Vol. 1. M. Publ. of Com. Akad. 1930. Col. 359–364. Available at: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclp/le1/le1-3591.htm>.*
11. *Lomonosov M. V. Poln. sobr. soch. [Full collection of works]. M. ; L. 1952. Vol. VII.*
12. Lotman Yu. V. *Analiz poeticheskogo stilya. Struktura stiha* [Analysis of poetic style. Structure of verse]. M. Nauka. 1972. 217 p.
13. *Majkov V. I. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. M. ; L. Sovietskij pisatel'. 1966. (Poet's library; Second edition).*
14. *Majkov L. N. O zhizni i sochineniyah Vasiliya Ivanovicha Majkova [About the life and works of Vasily Ivanovich Maikov]. SPb. I. I. Glazunov typ. 1867. 56 p.*
15. *Moskvicheva G. V. Russkij klassicizm [Russian classicism]. M. Prosveshchenie. 1986. 191 p.*
16. *Ostolopov N. F. Slovar' drevnej i novoj poezii [Dictionary of ancient and new poetry]. SPb. Printing house of the Imperial Russian Academy. 1821. Part 1. 531 p.*
17. *Potebnya A. A. Iz lekcij po teorii slovesnosti Basnya. Poslovica. Pogovorka [From lectures on the theory of literature Fable. Proverb. Saying] // Teoreticheskaya poetika – Theoretical poetics / A. A. Potebnya. M. Vysshaya shkola. 1990.*
18. *Rossijskij mentalitet: voprosy psihologicheskoy teorii i praktiki – Russian mentality: issues of psychological theory and practice / ed. by K. A. Abulkhanova, A. V. Brushlinsky, M. I. Volovikova. M. Institute of psychology RAS. 1997. 336 p.*
19. *Salova S. A. "Pritchi" A. P. Sumarokova (1762): prodolzhenie russkogo "spora ob Anakreonte" ["Proverbs" by A. P. Sumarokov (1762): the continuation of the Russian "dispute about Anacreon"] // Herald of the Bashkir University. 2012. Vol. 17. No. 4. Pp. 1773–1776.*
20. *Serman I. Z. Krylov-basnopisec [Krylov-fabulist] // Ivan Andreevich Krylov. Problemy tvorchestva : sb. st. – Ivan Andreevich Krylov. Problems of art : collection of articles. L. Nauka. 1975. Pp. 221–279.*
21. *Negirev I. M. Russkie narodnye poslovy i pritchi [Russian folk proverbs and parables] / ed. by O. A. Platonov. M. Institute of Russian civilization. 2014. 528 p.*
22. *Stepanov N. L. Masterstvo Krylova-basnopisca [Skill of Krylov the fabulist]. M. Sovietskij pisatel'. 1956.*
23. *Stepanov N. L. Basni Krylova [Fable]. M. Hudozhestvennaya literatura. 1969. 110, [2] p.*
24. *Filimonova P. V. Osobennosti zhanra basni v poeticheskoy sisteme M. N. Murav'eva (1757–1807) [Features of the fable genre in the poetic system of M. N. Muravyov (1757–1807)] // Omskij nauchnyj vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' – Omsk scientific herald. Series: Society. History. Modernity. 2014. No. 2 (126). Pp. 119–121.*
25. *Aesop. Basni [Fables]. 138 p. A book without a title page or cover, a book in Russian, German, and French with unnumbered illustrations. Available at: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01004494649#?page=1> (date accessed: 19.04.2020).*
26. *Enciklopedicheskij slovar' yunogo literaturoveda – Encyclopedic dictionary of young literary critic / comp. V. I. Novikov. M. Pedagogika. 1988. 416 p.*